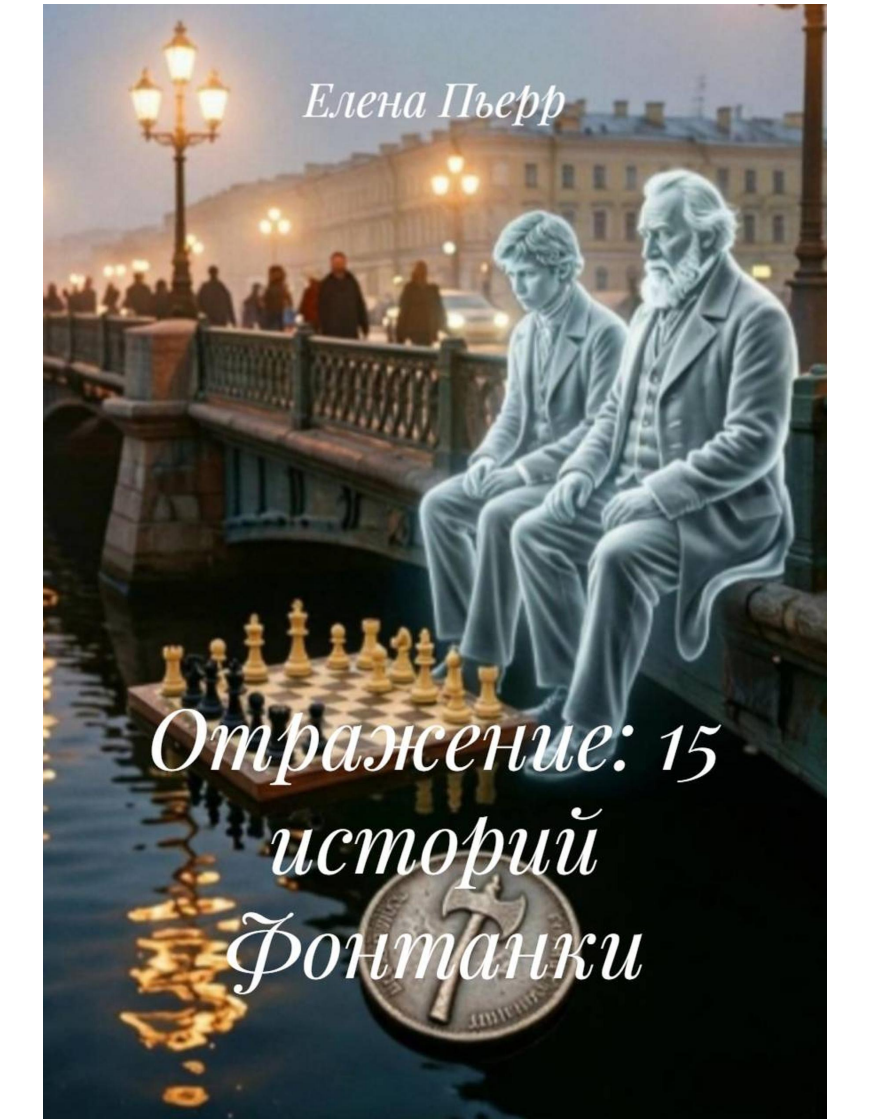

The background image is a composite. It shows a night scene of a bridge over a canal in St. Petersburg, with warm streetlights and historic buildings in the background. Overlaid on this scene are two figures from the chest up, rendered in a light blue, semi-transparent style. On the right is Leo Tolstoy, with his characteristic white beard and wearing a long coat. On the left is Fyodor Dostoevsky, also in a coat. They appear to be sitting on the bridge railing. In the foreground, floating on the dark water of the canal, is a large chessboard with various chess pieces. The overall mood is contemplative and literary.

Елена Пьерф

*Отражение: 15
историй
Фонтанки*

Елена Пьерр

Отражение: 15 историй Фонтанки

<https://litres.ru/74697943>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что скрывает тёмная вода самой загадочной реки Петербурга? Пятнадцать мостов Фонтанки — пятнадцать историй, которые начинаются там, где кончается гранитная набережная.

Здесь вода пахнет старыми письмами и несбывшимися ожиданиями. В отражении ведут шахматные партии те, кто не может играть в реальности, а имена без следа растворяются в тёмной глубине. В устье, за закрытыми верфями, рождаются пугающие и прекрасные откровения. Но за этой гранью время течёт иначе — и вернуться прежним уже не получится.

Сборник «Отражение: 15 историй Фонтанки» — это гипнотические новеллы, где под плеск живой воды сталкиваются эпохи, оживают городские легенды и обнажаются скрытые человеческие драмы.

Для ценителей атмосферного нуара, интеллектуальной мистики и поклонников магического Петербурга.

Содержание

~~	4
Мост Ломоносова	5
Лештуков мост	7
Аничков мост	10
Прачечный мост	12
Горсткий мост	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Елена Пьерр

Отражение: 15

историй Фонтанки

~~

(с) Елена Пьерр, 2026. [Официальная страница автора](#) .

Все права защищены. Сборник рассказов «Отражение: 15 историй Фонтанки» опубликована на портале Литрес.

Возрастное ограничение: 16+

~...~

Мост Ломоносова

На мосту Ломоносова есть две башни с призрачными часами, но ни одни не показывают правильное время. На самом деле они врут по-разному: одни отстают на минуту, другие спешат на три. Туристы фотографируются, не замечая этого. Как не замечают и того, что в отражении Фонтанки часов уже не двое, а четырнадцать. И они не на башнях, а плывут в глубине тёмной маслянистой воды, как стая прозрачных медуз.

Почему, спросите вы? На это у меня нет ответа, но я знаю другое: подводные часы — это элемент нейросети. Но не современной, а старой, ещё пневматической, со свистом и шипением. Она всё ещё рабочая и управляет временем для чиновников. Отмеряет не секунды, а варианты событий, словно тасует карты в колоде пространственного коридора.

Если нейросети кажется, что чиновник принял «слишком правильное» решение, она отматывает его день на час назад и заставляет действовать иначе. Чаще всего — глупее.

Но последнее время система даёт сбой, и отголоски её работы просачиваются в реальность. Сегодня, например, я увидела, как из башни на мосту выпал битый монитор с надписью «инициатива наказуема». Он упал в отражение с глухим протяжным вздохом. Осколки экрана закружились в воде, вспыхнули — и превратились в маленьких серебряных

рыбок.

Зависнув на мгновение над медузными циферблатами, будто стайка потревоженных мыслей, рыбки метнулись в сторону Аничкова моста. Они плыли вверх по течению и несли в себе код — правило, которое запрещает мостам отражать правду чаще двух раз в столетие.

Обычно нейросеть не хочет, чтобы люди видели истинное время. Потому что истинное время — это хаос, где чиновники не начальники, а лодочники, где Петербург не построили, а нашли уже готовым. Оттого стрелки башенных часов и дёргаются, хотя в отражении все четырнадцать фиксируют полдень — закливая день, что никак не хочет кончаться.

Но возможно, эти сбои — не баг, а результат противодействия. Ночь, которая маскировалась под день, показывает свою истинную суть. И когда это произойдёт окончательно, люди тоже увидят в воде не своё отражение, а свои настоящие лица. Те, что были до того, как нейросеть научила их врать.

~...~

Лештуков мост

Под Лештуковым мостом вода пахнет типографской краской и старыми книгами. В реальности здесь спешат к метро, курят, спорят о политике. В отражении — всегда вечер, горят газовые фонари, и на воде, будто на столе, расставлены шахматы. Я прихожу сюда, потому что здесь играют те, кто не может играть в реальности.

Сегодня я увидела Раскольников. Он сидел на парапете моста и смотрел на «водную» доску. Рядом стоял Свидригайлов, но не живой — такой же полупрозрачный, как само отражение. Они не разговаривали, только двигали фигуры. Взглядам. Раскольников — белые, Свидригайлов — чёрные. Белый король упал. Раскольников проиграл.

— Скажи, Родя, а тебе не смешно? — после паузы нарушил тишину Свидригайлов. — Ты ведь даже не знаешь, как пахнет кровь, когда она сворачивается на тёплой перине. А я знаю. Но все хотят читать про бедного студента с книжкой под мышкой. Пусть. Я не против.

Раскольников поднял голову, и в его взгляде впервые мелькнуло нечто острее тоски.

— Я взял вину на себя, чтобы Соня пришла. Но здесь её нет, а без неё у меня ни одной живой фигуры.

Я не заметила, как перестала дышать. Свидригайлов же

хмыкнул, но его лицо на миг дрогнуло призрачной рябью.

— Зря ты сам не убил, — сказал он тихо. — Жил бы сейчас обычным чиновником, не мучился.

— А ты? — спросил Раскольников.

— А я утонул в отражении. Но только это ничего не меняет, Родя. Всё та же смертная скука — поддельная, как этот вечер.

Раскольников долго молчал. Его пальцы гладили монету, которая не звенела. Монета была странная: на одной стороне — топор, на другой — Евангелие. Наконец он подбросил её: она упала в воду, но не утонула, а поплыла, превращаясь в крошечную книжицу с надписью «Оправдание». Таких монет-книжек под мостом плавало уже много. Я попробовала выловить одну, но она рассыпалась на буквы, и те уплыли в темноту.

Свидригайлов задумчиво кивнул. Раскольников взмахнул рукой, и фигуры, повинаясь его жесту, вернулись на свои места.

Я просидела с ними ещё семь партий. Раскольников всё время проигрывал. Свидригайлов усмехался, вздыхал и жаловался на тоску, которую не смыть даже здесь.

Когда я вернулась из отражения, газовые фонари уже расплывались в закатном свете. Прохожие всё так же спешили, а туристы фотографировали себя на фоне Петербурга. Никто не замечал тонкой грани миров, запаха воды и цвета звуков.

На перилах моста лежала монета — старая, царская, с

призрачной дымкой топора и Евангелия на обороте. Я подняла её — рука не дрогнула. Затем подбросила: она упала в воду и ушла на дно. Оправдание Раскольникова оказалось здесь тяжелее, чем там.

~●●~

АНИЧКОВ МОСТ

Аничков мост пахнет бронзой и лошадиным потом, хотя кони не живые. Но в отражении они живые. Живее многих.

Официальные путеводители пишут, что кони символизируют победу человека над стихией, но в отражении они просто пасутся. Каждый вечер вода чуть темнеет, и кони опускают головы к траве, которой нет в реальности. Они дышат ровно, не рвутся вперёд, не борются — просто медленно жуют, переступая с ноги на ногу.

Только один из них иногда поднимает голову, и тогда становится видно, что это не конь. Это человек. Он стоит на коленях в траве, его руки сжаты в кулаки, а бронзовая шкура съезжает с плеч. Несколько секунд он смотрит на других лошадей, как будто пытается что-то вспомнить. Потом шкура снова натягивается, голова обретает очертания, и он щиплет траву, как остальные.

Я просидела на мосту до позднего вечера, глядя, как в отражении зажигаются звёзды. А потом я услышала ржание, которое донеслось не из воды, а от бронзовой статуи. Люди не обернулись, только один мальчик спросил у матери: «Мама, лошадь смеётся?» Женщина ответила: «Это ветер». Но в отражении ветра нет, только четыре коня, которые мирно пасутся, и живая тишина — такая, какую можно найти толь-

ко в самом глубоком сне.

~●●~

Прачечный мост

Под Прачечным мостом вода пахнет мылом и старой бумагой, словно здесь не бельё полоскали, а письма, которые никто не отправил. В реальном мире люди переходят мост, не замечая ничего, кроме перил и решёток. Но я прихожу сюда, когда фонари начинают мигать, и наблюдаю отражение. Потому что именно там хранятся самые странные вещи.

В отражении Прачечного моста нет ни пешеходов, ни машин. Есть только одна фигура — женщина в сером платке, что стоит по колено в воде и полощет длинное белое полотно. Она не стирает грязь. Она вымывает имена. Я вижу, как с ткани ажурной вязью сползают буквы, падают в воду и исчезают навсегда.

Иногда их много — целые строфы, как будто стирают стихи. Иногда одно-два, и тогда женщина медлит, будто прощается.

Сегодня в руках у неё всё так же было полотно, но пустое. Она стояла неподвижно, задумчиво глядя на него — словно чего-то ждала. Я тоже ждала. Прошло несколько минут, и на ткани действительно начали проступать буквы. Но не славянские. Ещё более древние. Я узнала их по старым картам, по гравюрам, по легендам, которые не пересказывают вслух. Это звучал язык города, которого давно уже нет.

Запах мыла стал ещё острее, слышался тихий треск, похожий на шелест бумаги на ветру. Вдруг вода под полотном резко потемнела, затем посветлела. Отражение вздрогнуло как от брошенного камня. Поверхность покрылась рябью, создавая экран сломанного телевизора. А когда всё успокоилось, я увидела его — не дно, а крыши, шпили, мостовые. Чудный город Винета. Он стоял под водой как в день, когда ушёл.

Женщина тяжело всхлипнула уставшей раненой чайкой, и мне даже показалось, что по её щеке скатилась слеза. Но руки продолжали своё дело. Она опустила полотно в воду, и оно исчезло вместе с именами. На миг я увидела, но больше почувствовала, как по улицам прошли тени. Они не просили о помощи. Они просто шли — медленно, беззвучно, в городе, который никто не помнит.

Я не знаю, что она вымыла сегодня. Может быть, последние имена. Надежду или память. А может быть, всё сразу.

На улице как-то резко похолодало. Фонари перестали мигать. Я с трудом отвела взгляд от воды и вернулась в реальность, где люди проходили мимо, не замечая ничего вокруг. Я хотела сказать им, что под мостом — город, которого нет. Но у меня не было слов. Они остались там, в отражении, на том полотне, которое ушло на дно.

Горсткий мост

Горсткий мост почти незаметен. Небольшой, без украшений — просто переход через реку, как скучная пешеходная зебра через дорогу. Люди проходят по нему, не глядя по сторонам, потому что машина сбоку не прилетит.

Но в зеркале воды активное движение, а сам мост ещё меньше — узкая полоска света, по которой можно перейти на тот берег как по канату. Мне он нравится за эту невесомость, а ещё за сочную яркость звуков, что она рождает. Сегодня я пришла, чтобы послушать трамваи.

В отражении трамваи не гремят, а поют. Их металлический звон плавится в чистый цвет — оранжевый, густой и тягучий, как апельсиновый смузи.

Звук стелется по водной глади и оседает вокруг мелкими искрами. Дома, деревья, мостовые теряют будничную серость и обретают сказочные черты. Они сияют, словно сотканые из мистических узоров. Тайное волшебство, присутствующее другому древнему городу. Даже сейчас.

В глубине, прямо под мостом, плавали рыбы. Я узнала их: те самые, из-под Ломоносовского. Только теперь их чешуя не блестела серебром, а отливала сусальным золотом. Они всё так же безмолвно несли в себе код и ещё что-то новое, иное — может быть, тепло. А возможно, грядущие перемены.

Я попыталась поймать одну, но рыба ускользнула и оставила на моей ладони маленькую светящуюся чешуйку. Она прилипла, и я почувствовала, как с каждым мгновением возвращается что-то забытое. Не моё — чужое. Значит, рыбы могут возвращать потери. Но платить за это придётся отказом от догм.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.